

Центр Гейдара Алиева, Баку

строй ка века

В Эрмитаже проходит первая в России ретроспектива Захи Хадид – первой в истории женщины, удостоенной архитектурного «Оскара» – Притцкеровской премии.

ТЕКСТ: ОЛЬГА КОСЫРЕВА

Ее проекты вызывают живейший интерес публики, и даже далекие от архитектуры люди, бывает, обсуждают с жаром, как, однако, смел этот Центр Гейдара Алиева в Баку и что Музей искусств XXI века MAXXI в Риме скорее красив, чем функционален. Ее деконструктивистская архитектура – это поэзия неожиданно изломанных линий, иллюзия разрушения взаимосвязей и пропорций. Ее дизайн – царство плавных, словно взятых у природы форм: волна, дюна, язычок пламени или капля воды. И то и другое выглядит совершенно инопланетным само по себе, а в интерьере парадного

Николаевского зала Зимнего дворца – вдвойне. Но этот контраст так хорош, эти две цивилизации так смело и красиво взаимодействуют между собой, что вопрос об уместности выставки Хадид в Эрмитаже отпадает сам собой: в первой четверти XXI века снова торжествуют единство и борьба противоположностей.

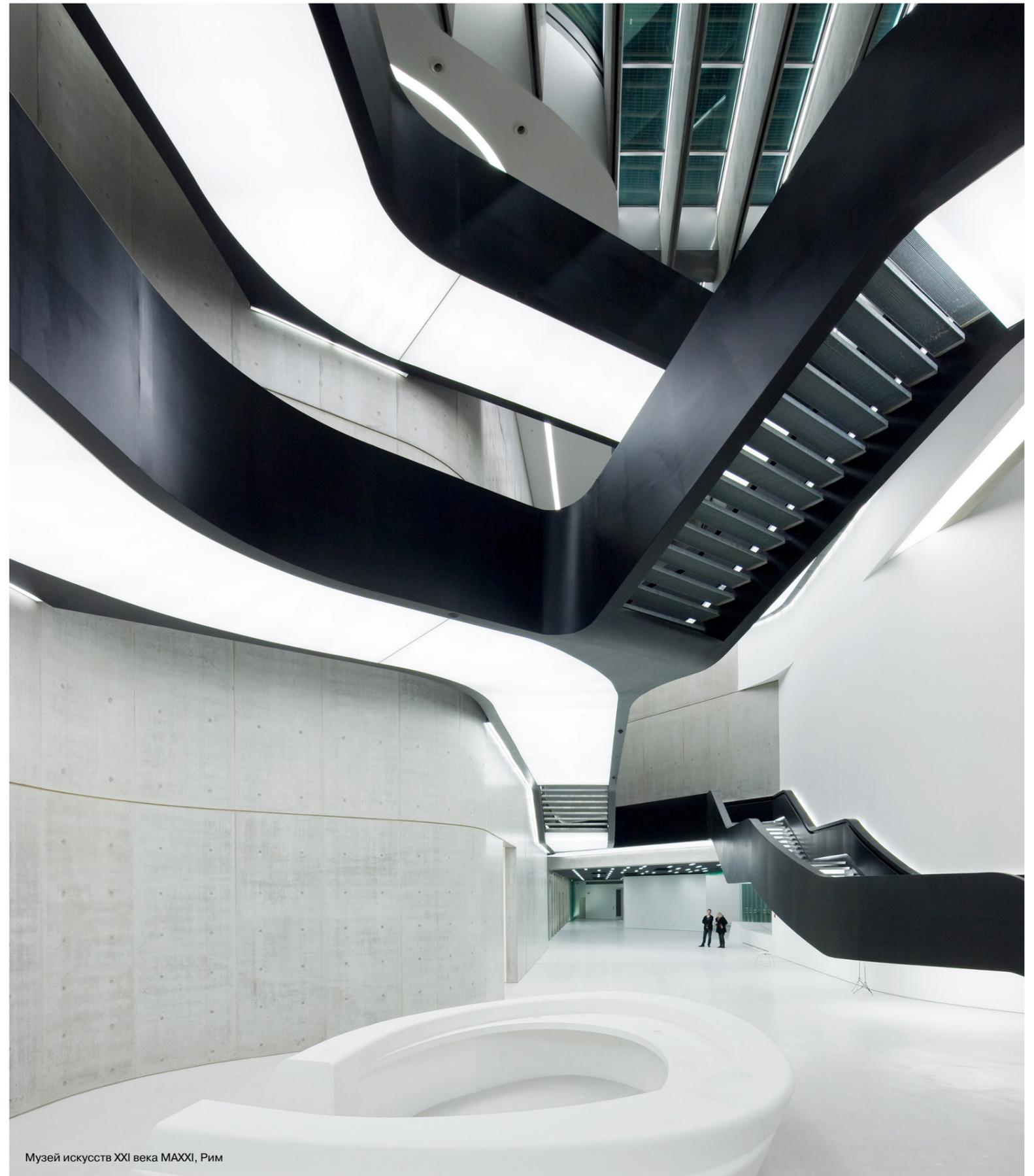
Кто же такая эта Заха? Появившийся в 2000-е термин «стархитектор», состоящий из соединения слов star, звезда, и «архитектор», подходит ей как нельзя более. Она держится царственно и всегда окружена свитой. При этом она трудоголик и признается, что раньше могла не спать по четыре ночи подряд, фанатично погружившись в работу. Она бесстрашна и знает себе цену. Еще двадцать лет назад, получив приглашение поработать в одном из лучших архитектурных офисов мира – голландской ОМА, которую возглавляет автор московского «Гаража» Рем Колхас, она сказала, что пойдет только партнером. А на сдержанное согласие: «Послушным партнером» – ответила: «Нет, неудобным партнером». И добила своего.

Она родилась в начале 1950-х в богатой арабской семье в Ираке. Жила в Багдаде – в те времена открытом, космополитичном городе. Семья была очень прогрессивной, папа-промышленник окончил Лондонскую школу экономики и участвовал в проведении в своей стране демократических реформ. Ребенком ее много возили в Европу, показывали мировые культурные ценности. Училась она в христианской монастырской школе, двери которой были открыты и мусульманам, и евреям, и девочка много лет ежедневно осеняла себя крестным знаменем – то есть мультикультурность сопровождала ее с детства.

После школы она изучала математику в Бейруте, а в двадцать с небольшим переехала в Лондон и поступила в Architectural Association, самую авангардную на тот момент архитектурную школу мира. С тех пор вся ее жизнь подчинена архитектуре. Как она сказала однажды в интервью Наоми Кэмпбелл: «Я сама сделала этот выбор. Конечно, это не позволяет жить нормальной жизнью, иметь мужа, детей. Может быть, когда-нибудь я об этом пожалею, но пока такой момент не настал. У меня другие цели. Тридцать лет назад мы имели дело с модернистской идеологией, с массовым производством. Тогда были представлены один тип библиотеки, офисного

Центр Гейдара Алиева, Баку

Музей искусств XXI века MAXXI, Рим

здания, жилого здания, и я подумала, что могу с этим побороться. Также в XXI веке стал очень важен общественный аспект архитектуры — расположение здания на определенном участке, в определенном месте города, необходимо вписать свою постройку в городскую жизнь». Ей это удастся блестяще — именно поэтому она сейчас равно успешна в проектировании стадионов и центров современного искусства, театров и многоэтажных гаражей, онкологических центров и жилых районов, офисных зданий и горнолыжных трамплинов.

Впрочем, слава пришла к ней отнюдь не сразу. Первые лет пятнадцать после диплома она проектировала «в стол». Даже выигрывая конкурсы, она не получала возможности реализовать свои проекты, слишком смелые, слишком непонятные. Она утверждает, что девелоперов пугало то, что она женщина, и то, что она арабка, но есть подозрение, что их пугала сама ее архитектура — все эти плоскости, соединенные под странными, непривычными углами и почти парящие в воздухе, и в целом сама идея таких сложносочиненных зданий.

Первым, кто рискнул, стал Рольф Фельбаум, владелец швейцарской мебельной компании Vitra, который предложил молодому архитектору построить на территории фабричного кампуса в Вайле-на-Рейне пожарную станцию. Именно эта постройка, завершенная в 1993 году, стала первым в мире осуществленным проектом Захи Хадид (сейчас там маленький музей одного здания). Эта композиция похожа на застывший взрыв — ее остроугольные скульптурные формы находятся в зафиксированном состоянии перехода от напряжения к движению. Рольф Фельбаум когда-то сказал, что «пожарная станция демонстрирует абсолютно новое представление о пространстве» — это «самая впечатляющая пожарная часть в мире».

Здание в кампусе Vitra стало поворотным пунктом карьеры Хадид, после чего ее постройки появились в самых разных уголках мира от США до Китая. Есть они и в России: вила Capital Hill Residence девелопера Владислава Доронина в подмосковной Барвихе и недавно открывшийся бизнес-центр Dominion Tower в Москве.

Выставка в Эрмитаже будет посвящена влиянию на Хадид русского авангарда, которым она страстно увлечена всю жизнь. «А как было не разделить эту страсть к полету? — смеется Заха. — Причем русские были одержимы этой темой на протяжении всего XX века: все эти спутники, собаки в космосе, космический памятник в парке у входа на ВДНХ, выставочные центры, которые выглядят как парящие планеты. Все летало, все. Даже открывашки для бутылок у них делались в форме ракет, у меня много таких было». Уже в ее дипломном проекте отеля на берегу Темзы «Тектоник Малевича» присутствует ключевая идея экспериментов Захи Хадид — попытка открыть путь новому зодчеству, в котором предсказывается вся сложность, противоречивость и изменчивость архитектуры будущего. «Смыслом проекта было показать, что работы таких супрематистов, как Малевич и Эль Лисицкий, воспринимаются исключительно как арт-объекты, потому что находятся вне сопоставимого масштаба. Как только масштаб появляется, в ту же минуту они становятся архитектурой».

Однажды в Gallery Gmurzynska в Цюрихе Заха даже экспонировала свои фантазии на тему супрематизма вперемешку с работами русских супрематистов и потом издала по результатам книжку «Заха Хадид и супрематизм». И даже Притцкеровскую премию в 2004 году ей вручали в Эрмитаже, чтобы еще раз подчеркнуть ее связь с Россией и ценность русских архитектурных экспериментов 1920-х годов в формировании одного из главных архитекторов XXI века.

Ее часто спрашивают, каково это — быть архитектором-женщиной. «Я думаю, это показывает, что на самом деле пройти сквозь стеклянный потолок — возможно». И добавляет, что она счастлива видеть, как ее успех помогает другим женщинам поверить в то, что такие высоты достижимы. Она действительно потрясающий пример, не только для женщин. Ее характер, идеи всегда вели ее против течения, и даже невыигранные на первый взгляд обстоятельства рождения и особенности профессии она обратила себе на пользу. И теперь она стоит на самой вершине — свободная женщина Востока, сумевшая сделать то, что не удалось многим мужчинам: изменить мир. 🇷🇺

Башня инноваций технологического университета Гонконга

Открытие выставки «Заха Хадид в Государственном Эрмитаже», 2015